УДК-811

ДРЕВНЕРУССКИЕ МЕСТОИМЕНИЯ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ)

Гейдарова Э. А., канд. филол. наук, доцент
Бакинский государственный университет

В статье рассматриваются древнерусские местоимения и их исторические изменения. Материалом исследования послужили новгородские берестяные грамоты, а их, как известно, около тысячи. Изучение памятников письменности привело к выявлению достаточно большого количества местоимений. Все примеры были распределены по лексико-грамматическим разрядам. Выявленные падежные формы сопоставлялись с современными. Если наблюдались изменения, то отмечались пути становления новых падежных окончаний. В работе указывается также, с какого века появляется та или иная форма местоимения.

Ключевые слова: *историческая грамматика русского языка, древнерусские местоимения, склонение местоимений.*

Статья посвящена анализу исторических изменений падежных форм местоимений. Для исследования морфологических процессов необходимо выбрать памятники деловой и бытовой письменности, написанные на одной территории, причем на протяжении нескольких веков. В этом плане идеально подходят берестяные грамоты. Они написаны в Новгороде и датируются XI-XV вв. [2] Последовательное изучение памятников письменности позволит поэтапно проследить за изменениями в склонении местоимений, определить временные рамки действия определенных преобразований, т.е. выявить, с какого века появляется та или иная форма местоимения.

Выявленные местоимения были распределены по лексико-грамматическим разрядам и описываются следующим образом. Указывается исконная падежная форма местоимения, в скобках приводятся (где имеются) варианты написания окончания. Как известно, в берестяных грамотах используется т.н. бытовая графическая система, где, в частности, пары букв ъ - о и ь - е могут взаимозаменяться. Каждый пример сопровождается указанием номера грамоты, в которой он был отмечен. Если слово повторяется, то рядом в скобках указывается частотность его употребления.

Личные местоимения

1-е лицо ед.ч.

И.п. **Азъ (азо)** - старославянская форма. Фиксируется в грамотах № 42, 138, 496, 519, 931. Данный пример встречается в памятниках с конца XIII века.

Язъ (ѧзъ, ѧзо) – древнерусская форма. Отмечается в грамотах № 3, 27, 59, 142, 147, 148, 186, 193, 243, 302, 344 (2), 369, 377, 414, 439, 445, 474, 501, 531, 536, 548, 610 (2), 749, 752, 829, 893, 902, 950 (2). Написание отражается в берестяных грамотах с конца XI века.

Я (ѧ) – новая форма местоимения **язъ**, соответствующая современной – **я**. Развитие данной формы историки языка объясняют тем, что до падения редуцированных местоимение **язъ** состояло из двух слогов: **я-зъ**. Остальные же формы И.п. были односложными (ср. **мы, ты, вы**). Возможно, по аналогии с другими личными местоимениями появилась односложная форма 1-го лица ед.ч. путем отпадения второго слога: **я-зъ > я**. Встречается в грамотах № 96, 131 (3), 222, 235, 289, 413, 421, 502, 503, 510, 528, 531, 548, 603, 605, 717, 725, 775, 798, 805, 806, 831 (3), 877/572 (2). Данная форма местоимения фиксируется в новгородских берестяных грамотах с XII века.

Р.п **Мєнє (мєнѧ, мьнє, мьнь)** – эта падежная форма подверглась изменению: **мєнє** > меня. Формы **на -я** отражаются в памятниках письменности с XIV в. Они характерны литературному языку и северновеликорусским говорам. Было выдвинуто несколько гипотез, объясняющих причину появления изменения **[е]** > **[’а]**. Наиболее достоверной является точка зрения И.В.Ягича, который полагал, что изменение **мєнє** > меня возникло под влиянием энклитической формы местоимения **мѧ**, выступавшей в форме В.п., но переносимой часто и в Р.п. Падежная форма фиксируется в грамотах № 19, 49, 53, 98, 105, 148, 246, 252 (2), 306, 374, 411, 494/469, 510, 521 (2), 752, 754 (2), 806, 831, 916. Исконное окончание отмечается в берестяных грамотах с XI века, а с XV в. появляется новое окончание **-ѧ (-я)**.

Д.п. Мънѣ (мнѣ, мьнє, мнє, мни) - Гр. № 9, 21, 30, 55, 61, 124, 142 (2), 155 (2), 242, 286, 358, 439 (2), 445, 490, 550 (2), 580, 589, 610, 731, 750 (2), 752, 824. Падежная форма местоимения употребляется в грамотах начиная с XII века. В памятниках XIV-XV вв. отмечается замена **ѣ > є**.

Ми – энклитическая форма. Как известно, в древнерусском языке полные и энклитические формы местоимений употреблялись параллельно. Энклитические формы использовались в русском языке вплоть до XVII в. Затем они были вытеснены формами Р.п. Первые случаи вытеснения энклитических форм фиксируются в памятниках XII-XIII вв. Написание выявлено в грамотах № 9, 42, 43 (2), 53, 65, 124, 125, 227, 246, 271 (2), 303, 335, 370, 374, 406, 415, 422, 424, 463, 477, 497, 549, 605 (2), 724, 752 (2), 755, 765, 775, 800, 829 (2), 831, 854, 877/572, 909, 912, 916. Пример отмечается в памятниках с XI века.

В.п. **Мєнє (мьнє, мєнѧ)** – древнерусская форма, которая отмечается в следующих грамотах: № 4, 286, 302, 377 (2), 531, 605, 749, 755, 931. Падежная форма местоимения с окончанием **-є** фиксируется в памятниках письменности с XII века, а с начала XIV века в берестяных грамотах появляется новое окончание **-ѧ (-я)**.

Мѧ – также является энклитической формой. Фиксируется в грамотах № 9, 527, 531 (2), 831 (3), 886, 834 (2), 831 (2), 748, 724 (2), 235 (2), 109 (2), 583, 222, 949 (2), 415 (2), 272, 252, 494/469. Данная форма местоимения встречается в памятниках с XI века.

Т.п. **Мъною (моною, мнъю)** - Гр. № 820, 550, 238, 346, 772, 289, 272, 183, 142, 102, 6, 49, 755. Пример фиксируется в грамотах начиная с XII века.

Мн.ч.

И.п. ***Мы*** - Гр. № 885, 361, 17, 311. Данное местоимение встречается в новгородских берестяных грамотах с XII века.

Р.п. ***Насъ*** - Гр. № 249, 313, 446, 929. Пример отмечен в грамотах XIV – нач. XV века.

Д.п. ***Намъ (намо, нмъ)*** - Гр. № 885, 850, 736, 419, 257, 755, 540, 446, 370 (2), 364, 933 (2), 310, 370, 157 (2). Написание фиксируется в памятниках письменности начиная с XIII века.

В.п. ***Насъ*** - Гр. № 370 (2), 540. Пример отражается в грамотах XIV – нач. XV века.

Т.п. ***Нами*** - Гр. № 131, 310, 312. Данная форма зафиксирована в памятниках XIV- XV вв.

Исторических изменений в выявленных формах мн.ч. не произошло, они дошли до наших дней. Эти местоимения претерпели лишь одно изменение – падение редуцированных.

2-е лицо ед.ч.

И.п. ***Ты*** - Гр. № 102, 311, 904, 839, 831, 794 (2), 748, 731 (2), 605, 421, 336, 163, 109, 768, 531 (3), 377, 69, 68, 3, 4, 30 (2), 59, 133, 177, 246, 253, 286 (2), 344, 358, 363 (3), 364, 414, 446 (2), 490, 534, 749, 750 (3), 374, 243, 125, 21 (2). Данная форма местоимения встречается в грамотах с XII века.

Р.п. ***Тєбє (тьбь)*** - Гр. № 853, 605, 377, 600, 222, 528, 356, 383, 363, 357, 314, 99, 142, 32, 374 (2). Пример отмечается в памятниках начиная с XII века.

Д.п. ***Тобѣ (тъбѣ, тобє, тобь, тоби, тьбь)*** – полная форма местоимения, в которой произошли в дальнейшем изменения. Древнерусская форма ***тобѣ*** употреблялась наряду со старославянской ***тєбѣ***. Формы с гласным о в основе отмечены с XI в. В части русских говоров, а также в украинском и белорусском языках эта форма сохранилась до сих пор: русск. диал. ***тобе***, ***табе***; укр. ***тобі***; бел. ***табе***. Однако в русском литературном языке утвердилась старославянская форма с основой ***тєб-***. Это произошло к XVII в. Древнерусская форма местоимения с гласным о отмечается в грамотах № 27, 59, 222, 528, 916, 945, 944, 850, 831 (3), 794, 752 (3), 745, 731, 175, 152, 147 (2), 148, 439, 931, 771, 757, 752 (2), 749, 610, 578, 536, 528 (2), 501, 474, 414, 406, 370, 364, 370, 358, 275/266, 259, 186, 178, 142 (3), 128 (2), 131, 129, 243, 301, 302, 413. Написание фиксируется в новгородских берестяных грамотах с конца XI века.

Ти – энклитическая форма, которая в процессе развития русского языка утрачивается. Фиксируется в грамотах № 915, 912, 907 (3), 950 (3), 902, 901 (2), 893 (4), 891, 849, 839, 835, 834, 829 (2), 820, 819 (3), 809, 805 (2), 803, 800, 798 (3), 794, 793, 779, 776, 752 (3), 735, 731 (4), 724, 724 (2), 717, 710, 605, 550, 502 (3), 384, 227, 163, 156, 155 (3), 109, 82, 68 (2), 600, 222, 246, 293, 347, 439 (2), 531, 713 (3), 765 (2), 775 (2), 934, 754, 344, 271, 131, 102, 19. Пример отмечается в памятниках начиная с XI века.

В.п. ***Тѧ*** - энклитическая форма. Отмечается в грамотах № 222, 246, 421, 487, 549, 710, 752, 776, 829, 831, 849, 851, 862, 916. Данное написание встречается в памятниках с XI века.

Тєбѧ - Гр. 312, XV век.

Тєбѧ – Гр. № 310 (2). Пример отмечен в грамоте XIV века.

Т.п. ***Тобою*** - Гр. № 59, 877, 824, 335, 238, 257, 344, 140. Форма фиксируется в грамотах начиная с XII века.

Мн.ч.

И.п. ***Вы*** - Гр. № 603, 579, 361, 345, 142 (2). Пример встречается в памятниках начиная с XII века.

Р.п. ***Васъ*** - Гр. № 886, 548, 933. Местоимение отмечено в грамотах XII века.

Д.п. ***Вамъ*** **(*вамо*)** - Гр. № 87, 724, 307. Данное местоимение встречается в новгородских берестяных грамотах с XII века.

В.п. ***Васъ*** **(*васо*)** - Гр. № 414, 345. Местоимение отмечено в грамотах XIV века.

Вы – энклитическая форма. Отражается в грамоте № 503, XII века.

Т.п. ***Вами*** - Гр. № 295, 276, 361, 749. Отмечается в грамотах с XIII века.

М.п. ***Васъ*** **(*васо*)** - Гр. № 852, 345. Местоимение отмечено в грамотах XII века.

Исторических изменений в приведенных формах мн.ч. не произошло, они дошли до наших дней. Только местоимения васъ и вамъ утратили редуцированный, который был в слабой позиции, т.к. находился в абсолютном конце неодносложного слова.

Дв.ч.

В.п. ***Ва*** – Гр. № 725. Данная форма местоимения вышла из употребления т.к. в истории русского языка двойственное число утратилось. Встречается в грамоте конца XII века.

Д.п. ***Вама*** - Гр. № 422. Эта форма местоимения утрачивается вместе с двойственным числом. Отмечается только в одной грамоте XII века. Как известно, уже в древнерусских памятниках XIII века и позднее наблюдаются случаи, свидетельствующие о разрушении двойственного числа. Его утрата выражается в том, что в тех случаях, когда речь идет о двух предметах, начинают употреблять формы множественного числа. В памятниках XIII века двойственное число существительных и местоимений сохраняется в основном тогда, когда существительное и местоимение находятся в сочетании с числительным дъва. Окончательно двойственное число утратилось к XIV-XV вв.

3*-е лицо ед.ч.*

М.р.

И.п. ***Онъ*** - Гр. № 3, XIV век.

Р.п. ***Ѥго (єго)*** - Гр. № 831, 806, 724, 502, 419, 348, 535, 314, 92 (2). Написание фиксируется в грамотах с XII века.

Него - Гр. № 109, 907 (2), 271. Данная форма местоимения встречается в грамотах начиная с конца XI века. В косвенных падежах личные местоимения употреблялись с начальным н и без него. Так, после глаголов имеются формы без **н**, а после предлогов – с **н**: *я горжусь им*, но *мы подошли к ним*. Это объясняется тем, что современные предлоги **к**, **в**, **с** исконно имели в своем составе звук **н**. В начальный общеславянский период они выступали в виде: *kъn (кън), *vъn (вън), *sъn (сън). Например: *kъn+имъ, *vъn+ихъ, *sъn+ими. Таким образом, первоначально согласный **н** был составной частью предлогов, а не местоимений. Если предлоги *кън, вън, сън* стояли перед словом, начинавшимся согласным звуком, то еще в праславянском языке по закону открытого слога н исчезал: *кън двороу* > *къ двороу, вън садъ* > *въ садъ*. Если же предлоги стояли перед словом, начинавшимся с гласного звука, то н в произношении оставался. Однако в процессе переразложения согласный н отошел к местоимению: *сън имь* > *съ нимь*.

Д.п. ***Ѥмоу (ємоу, ємѫ)*** – Гр. № 142, 235, 950, 806, 735, 731 (2), 725, 724 (2), 456, 235, 8, 531 (3), 370, 3, 94. Данная форма нашла отражение в грамотах с XII века.

В.п. ***Ѥго*** – Гр. № 246, 311, 314, 411, 446, 534 (2), 736, 755, 849, 900. Местоимение фиксируется в берестяных грамотах с XII века.

Него - Гр. № 5, XIV век.

Т.п. ***Нимь (нимъ, нимо)*** – Гр. № 9, 142. Падежная форма появляется тем же путем, что и местоимение **него**. Здесь после падения редуцированных происходит отвердение конечного согласного **м** (ср. др.-рус. *нимь*). Написание фиксируется в памятниках письменности с XII века.

М.п. ***Нємь*** - Гр. № 950, 336, 419. Отмечается в памятниках XII века. Эта падежная форма употреблялась параллельно с **ѥмь**.

Ж.р.

Р.п. ***Єѣ (єє)*** - Гр. № 731, 723. Написание фиксируется в памятниках письменности начиная с XII века. В древнерусском языке выступала исконная форма - **ѥѣ**.

Д.п. ***Ѥи (єи)*** – Гр. № 531, 129. Пример отмечается в памятниках с XIII века.

Мн.ч.

Д.п. ***Имъ*** – Гр. № 548, 724, 855, XII век.

Т.п. ***Ними*** – Гр. № 877/572, 847, 607/562. Пример встречается в памятниках начиная с XII века. Образуется так

же, как и местоимение **него**.

М.п. ***Ихъ*** – Гр. № 855, 102, 162. Данная форма местоимения фиксируется в памятниках с XII века.

Возвратное местоимение

Р.п. ***Сєбє (сєбѧ)*** - Гр. № 227, 21. Данное местоимение встречается в новгородских берестяных грамотах с XII века. В дальнейшем произошли следующие изменения: **сєбє > себя**. Формы на **-я** отражаются в памятниках письменности с XIV в.

Д.п. ***Собѣ (събѣ, собє, соби)*** - Гр. № 59, 125, 133, 286, 610, 752, 768, 774, 854 (2). Отражается в берестяных грамотах с XII века. СєбѢ – старославянская форма, которая употреблялась параллельно древнерусской **собѣ**. Отмечается в грамоте № 94, XV век.

В.п. ***Сєбє*** - Гр. № 344, XIII век.

Сѧ - энклитическая форма возвратного местоимения **сєбє**. Отмечается в грамотах № 907, 950 (2), 943, 881, 877/572, 839, 829, 809, 800, 798, 793, 779, 752 (2), 731, 727, 725, 724, 605 (2), 548, 422, 777, 765 (2), 482, 346, 293, 141, 463, 344 (3), 43, 142, 124, 310, 521 (2), 930, 781 (2). Данная форма местоимения нашла отражение в берестяных грамотах начиная с XI века. В современном русском языке местоимение **сѧ** получило значение возвратной частицы и слилось с глаголом, например: *мыть**ся***, *бороть**ся***.

Т.п. ***Собою*** - Гр. № 271, 361. Пример отмечен в грамотах XIV века.

М.п. ***Собѣ*** – древнерусская форма, параллельно с которой употреблялась и старославянская **сєбѣ**. Встречается в грамотах № 30 (2), 750. Данный пример фиксируется в новгородских берестяных грамотах с конца XIII века. В истории русского языка сохранилась старославянская форма, в которой в дальнейшем **ѣ** изменился в **е**: **сєбѣ > себе**.

К сожалению, объем статьи не позволяет привести все выявленные примеры. Можно отметить только то, что в результате проведенного исследования было проанализировано около **1000** памятников письменности. Анализ показал, что новгородские берестяные грамоты, представляя памятники деловой и, главным образом, бытовой письменности, отражают сравнительно большое количество местоимений. По предварительным данным было выявлено **1015** падежных форм, в том числе **562** формы личных местоимений и **62** написания возвратного местоимения.

Литература:

1. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990.
2. Сайт в Интернете: **http://gramoty.ru** –Древнерусские берестяные грамоты. Рукописные памятники Древней Руси.

AUTHENTIC LITERARY TEXT AND LANGUAGE LEARNING

GoncharovaL. , Mg. paed. sc.
Baltic Institute of Psychology and Management

The need and interest to learning foreign languages stimulates a continuous search of new and transformation of already existing teaching and learning methods.The article is about application of an authentic literary text as a resource of stimulating and motivating learning content which enriches the process of learning, promotes cultural awareness and personal growth.

Keywords: *language, culture, creativity, imagination, literature, communication, authentic, competence.*

We live in the time of continuous changes in every sphere of human activity and it is vitally important to be a society of people who are tenacious and endurable, adaptable and resilient, able to foresee and choose and be aware of the outcome of their decisions.

We strive to become the society of continuous education and we understand that the welfare of a state and its citizens is influenced by the quality of their education. In the result of education and professional training we want to become people who are culturally an ethically educated, with broad knowledge in our sphere of activity, analytical, responsible and capable of continuous personal and intellectual growth. We want to be able to think and work creatively, fight stereotypes, be tolerant, assimilate where necessary and cope with new challenges, no matter what sphere of arts, technology, science or crafts we are acting in. This social need puts in the forefront certain demands to teaching and studying processes.

Creative abilities are developed in the process of education and recent attempts of pedagogues and educationalists have allowed to reorganize the processes of teaching and learning in the direction of active development of creativity of students.

Learning foreign languages allow numerous possibilities for developing creativity and imagination, because language in itself is the product of creativity of the mind. And it is not an incidental fact that considerable recent attention of theorists in language teaching methodology has been concentrated on the problem of imaginative content. „In future years the absence of imaginative content in language teaching will be considered to have marked a primitive stage in discipline: the use of purely referential materials limits the learners imaginative involvement with the target language and leads to one-dimentional learning achievement... Imaginative content appeals to learner's imagination... any kind of material with imaginative or fictional content goes beyond the purely referential and brings imaginative interaction, reaction and response to play" [5, p.vii].

A sourse of imaginative content can be found in the fine art of literature. Language learning through the use of imaginative material, i.e. a literary text, can go alongside with the learning of the language itself at the same time developing imagination and creativity in learners.

We live in the time of mass communication and we learn languages to be able to communicate outside the sphere of our native tongues, but often 'the techniques of language teaching tend to concentrate on how to communicate rather than on what about to communicate" [5, p.1]. There is always a wish to reach some level of communication competence in the target language, but often there is a complaint on the lack of successful communication. Language teaching methodologists distinguish now between a representational language which engages imagination and referential language that does not. Referential language states, shows and informs, but „does not engage the interlocutor's imaginative qualities ... representational language opens up, calls upon, stimulates and uses areas of the mind from imagination to emotion, from pleasure to pain, which referential language does not ... where referential language informs, representational language involves". [5, p.3]. Another ability sometimes ignored in language learning is thinking. The referential language requires very little in the way of thinking. It is 'a very basic framework for communicative survival in carefully circumcribed environmental contexts and the primary function of ideational or representational materials is to expand these circumscribed contexts", [5, p.4].

Representational and ideational material is available in the form of an authentic literary text, not simplified and not abridged. Only then it switches on learners' imagination, improves their self-awareness and leads them to a wider knowledge of the target language and to a greater fluency in it.

Psychological and pedagogical aspects of creativity have been given a lot of thought in works of many scientists. The first stimulus for any creative activity can be a problem that needs to be solved. The solution can be a conclusion drawn from available facts, or a result of a